

ОЛЕГ ДМИТРИЕВИЧ БЕРЛЕВ
(1933–2000)

Мировая академическая наука понесла тяжелейшую утрату. В Санкт-Петербурге 7 июля 2000 г. после продолжительной болезни скончался выдающийся египтолог Олег Дмитриевич Берлев.

Олег Дмитриевич Берлев родился 18 февраля 1933 года в г. Пятигорске в семье служащего. В 1951 г. поступил в Ленинграде в Гос. педагогический институт им. Покровского (позднее слитый с Гос. педагогическим институтом им. Герцена), откуда в 1953 г. был переведен на 2-й курс Восточного факультета Ленинградского университета. В 1957 г. окончил Университет по специальности «египтология». Находясь на последнем курсе Университета, начал работать в Ленинградском отделении Института истории в качестве референта академика В.В. Струве. В 1959 г. был переведен в том же качестве в Институт народов Азии (позднее Институт востоковедения АН СССР, затем ЛО ИВАН, ныне Санкт-Петербургский филиал ИВ РАН). В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «"Рабы царя" в Египте эпохи Среднего царства», в 1978 г. – докторскую, на основе опубликованной в 1972 г. монографии «Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства». Ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук. Автор около семидесяти научных работ.

За пределами этой официальной биографии ученого, которую можно найти в «листке по учету кадров» и академическом справочнике, осталось очень многое. Расстрел отца. Детский дом, откуда его забрала воспитавшая его няня. Голод. Невозможность ему, сыну репрессированных родителей, сразу поступить в Университет. Долгие годы составления картотеки аккадского языка в бытность научным референтом. Должность младшего научного сотрудника и десятилетие спустя после защиты блистательной кандидатской диссертации! Три изматывающих года ожидания решения ВАКа по столь же блистательной докторской... Неизменно задерживающиеся или теряющиеся приглашения на все мыслимые международные египтологические конгрессы и конференции, присутствие на которых всегда с надеждой ожидалось международным научным сообществом египтологов. И еще многое другое, о чем сам Олег Дмитриевич в силу своего

характера никогда не рассказывал даже ближайшим своим коллегам, но о чем многие из них тем не менее знали или догадывались...

Официальные списки его работ, всегда неполные и часто неточные, также умалчивают о главном: все, что выходило из-под пера Олега Дмитриевича – вне зависимости от характера и размера публикации – становилось событием в египтологии. Самым главным трудом его жизни, вмещенном в две диссертации и опубликованном в двух знаменитых монографиях («Трудовое население древнего Египта эпохи Среднего царства» (М., 1972) и «Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства» (М., 1978)), было исследование социальной структуры древнеегипетского общества в один из самых противоречивых периодов его истории. Характер общественных отношений этой эпохи, непрямо и специфически отраженных в совокупности терминов, бывших (или казавшихся) социальными, долгое время оставался неясным – особенно в части, касавшейся непосредственных производителей материальных благ, и длительные, ожесточенные (и для своего времени очень характерные) на этот счет дискуссии (на страницах ВДИ в том числе) оказались тупиковыми. Исследовав *все* доступные ныне соответствующие источники (лишь египтологи могут в полной мере представить, что подразумевает здесь слово *все*) и показав разнородность и разноразноуровневость зафиксированной ими терминологии, которая применялась для обозначения основной массы непосредственных производителей, Олег Дмитриевич Берлев свел ее в безупречно стройную систему, приведя к найденному им своеобразному «общему знаменателю». Последним стал термин *хему нисут*, обозначающий основную категорию трудового населения, по отношению к которой все прочие были производными или соседствующими. Без этого открытия Олега Дмитриевича, ставшего ныне хрестоматийным, современная мировая египтология уже немыслима. Как, впрочем, и история древнего Востока в целом, в которой древнеегипетская модель развития общества занимает одно из главных мест. Как все гениальное, ныне его открытие кажется совершенно очевидным.

Другим главным делом его жизни была публикация древнеегипетских памятников, хранящихся в собраниях отечественных музеев, прежде всего ГМИИ им. Пушкина. Альбом-каталог древнеегипетских рельефов и стел из этого собрания («The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow»), выпущенный в 1982 г. (в соавторстве с хранителем коллекции С.И. Ходжаш) на английском языке (в переводе, осуществленном самим Олегом Дмитриевичем), представляет собой издание эталонное по содержанию. Исключительная его научная ценность заключается не только в введении в научный обиход важнейшей части (около 200 единиц хранения) прежде неопубликованных или мало известных памятников знаменитой коллекции В.С. Голенищева, но и в поразительных по глубине, оригинальности и новаторству комментариях Олега Дмитриевича. Значение многих из них выходит далеко за пределы самого каталога и даже египтологии в целом. Совершенно замечательно по глубине Введение, которое (в силу необходимой краткости) лишь намечает контуром целый ряд решений для важнейших проблем. Один пример. Расхожий тезис о способности искусства даровать бессмертие, он, применяя к искусству древнеегипетскому, наполняет иным – буквальным – содержанием, тем самым намечая качественно новый подход к пониманию важнейших особенностей древнеегипетской (т.е. чрезвычайно архаической) ментальности – по крайней мере в части, касающейся посмертных ожиданий индивида. Значение этого открытия Олега Дмитриевича Берлева, как кажется, до сих пор не оценено в полной мере. И в России, и за рубежом Каталог вскоре же после выхода в свет стал библиографической редкостью.

Еще одной замечательной публикаторской работой Олега Дмитриевича Берлева стал грандиозный «Каталог древнеегипетских памятников из музеев России, Белоруссии, Украины, Закавказья, Средней Азии и Прибалтики», выпущенный (в том же соавторстве) в Швейцарии в 1998 г. (на англ. языке) («The Catalogue of the Monuments of Ancient Egypt from the Museums of Russian Federation, Ukraine, Bielorrussia, Caucasus, Middle Asia, and the Baltict States» // ОВО. 17. Fribourg, Göttingen, 1998). Эту сравнительно недавно вышедшую работу, которая делает впервые доступными для научного исследования три тысячи (!) объектов древнеегипетской древности из собраний 50 музеев бывшего СССР (за исключением ГМИИ и Гос. Эрмитажа), и также вмещающую исключительные по своей ценности филолого-исторические комментарии, египтологам еще предстоит оценить по достоинству. К сожалению, подлинные масштабы научной публикаторской деятельности Олега Дмитриевича Берлева в настоящее время осознать невозможно. Из-за отсутствия средств в течение уже долгих лет остается неопубликованным выдающийся по своим научным достоинствам труд «Древнеегипетская скульптура в собрании ГМИИ», который содержит блистательный комментарий к 265 древнеегипетским статуям, а также завершенный «Каталог каноп из собрания ГМИИ», учитывающий около полусотни (!) этих специфических памятников. До самой своей кончины Олег Дмитриевич продолжал работать над «Каталогом папирусов из собрания ГМИИ», который должен был вместить около 1000 (!) единиц хранения... Нет никакого сомнения в том, что каждая из этих работ также была бы событием в египтологии.

К сожалению, осталась ненаписанной и работа о Лейденском папирусе 344 – знаменитом Речении Ипувера, о котором, как говорил Олег Дмитриевич, он знал «почти все». И теперь мы можем никогда уже не узнать счастливого конца истории другого древнеегипетского знаменитого персонажа, Уну-Амона, который тоже был известен, кажется, только ему одному...

Каждая из работ Олега Дмитриевича неизменно разрешала сложнейшие загадки, над которыми часто безуспешно бились едва ли не поколения замечательных египтологов. При этом работы эти неизменно оставляли впечатление исключительной простоты предлагаемых в них решений. Можно напомнить, к примеру, его знаменитую статью о «золотом» царском имени, давшую впервые не сложное, метафорическое, но, так сказать, «физическое» толкование его сущности («Золотое имя» египетского царя» // Ж.Ф. Шампольон и дешифровка египетских иероглифов. М., 1979). Или изящнейшее решение казавшейся неразрешимой проблемы «отца бога» при анализе знаменитых шатт-ер-ригальских надписей («The Eleventh Dynasty in the History of Egypt» // Studies Presented to H.J. Poltsky. 1981). Или же обескураживающе простое объяснение того смысла, который имело помещение имени знаменитого Ментуемхета на погребальном одеянии из коллекции ГМИИ («New Documents from the Times of the War with Assyria» // K.R. Lepsius. Akten der Tagung anlässlich seines 100. Todestages, 10–12.7.1984 in Halle). Этот доклад, который в конечном счете уточнил дату завоевания Египта Ассирией, был прочитан автором в Халле и, по свидетельству очевидцев, вызвал рукоплескания поднявшейся с мест высокой аудитории.

Последняя прижизненная публикация Олега Дмитриевича на русском языке («Два периода Сотиса между Годом 18 царя Сену, или Тосортроса, и Годом 2 фараона Антонина Пия» // Древний Египет. Язык – культура – сознание. М., 2000) предлагает решение еще одной сложнейшей египтологической проблемы. Интерпретация двух крошечных и уже много десятилетий толкуемых надписей на пьедестале статуи, найденном вблизи Ступенчатой пирамиды, позволила автору отнести исходный пункт циклов Сириуса / Сотиса к 18-му году правления царя Сену, известного более всего по имени «Джосер», т.е. к 2767 г. до н.э. Значение этого вывода для системы древневосточной хронологии, в значительной степени ориентированной на древнеегипетскую, переоценить трудно. Есть нечто символическое в том, что последняя выдающаяся работа гениального египтолога связана с Сириусом, загадочной и самой яркой звездой древнеегипетских небес...

Простота его концепций, однако, никак не означала легкости их изложений. Все когда-либо знакомившиеся с его работами знают, что следование стремительному движению его мысли – задача обычно нелегкая, требующая огромной подготовки и способности смотреть на объект исследования непредвзято. Но вряд ли кому из прошедших хотя бы однажды вместе с Олегом Дмитриевичем головокружительный путь до истины осталось незнакомым чувство восторга перед конечным, обозначенным им результатом... Всем, конечно же, было хорошо известно и другое: впечатление кажущейся простоты его решений достигалось колоссальным, изнуряющим, всепоглощающим трудом, который не прекращался ни на минуту его жизни и приносил ему несравненную творческую радость. Египтологические познания Олега Дмитриевича были не просто беспредельно велики. Они уже были того качества, которое позволяет ученому быть не просто объективным наблюдателем и исследователем чужой культуры, но и смотреть на нее глазами ее носителей, «переживать» ее субъективно.

Олег Дмитриевич Берлев был настоящим ученым не только по уровню и качеству своих знаний. Он относился к тем редким в академической среде людям, которые могут безудержно радоваться открытиям коллег, быть чрезвычайно снисходительным в критике их заблуждений и совершенно бескорыстно делиться открытиями своими собственными. Подозрения пушкинского Сальери были верны, но, возможно, неточны в одном – несовместны зло и *истинный* гений...

Олег Дмитриевич мог себя считать счастливым человеком. Его труды будут жить, пока существует наука египтология. Его всегда будут помнить коллеги, ученики, друзья здесь, на родине, и за рубежом, которые безмерно ценили и любили его. И которым теперь его всегда будет не хватать...

В.А. Головина